

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Е. Е. АМПЛЕЕВА заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент
- Н. С. БОНДАРЬ судья Конституционного Суда РФ (2000–2020), заведующий Центром судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ
- Е. А. БРЫЛЕВА начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук, доцент
- Г. А. ГАДЖИЕВ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- Ч. ГОДДАРД профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), магистр права (строительство), бакалавр архитектуры (Великобритания)
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор
- С. Н. КАСАТКИН доцент кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета, кандидат юридических наук
- В. И. КРУСС заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ
- Г. М. ЛАНОВАЯ профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук
- В. В. ЛАПАЕВА главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук
- А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, государственный советник Санкт-Петербурга 1-го класса
- А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
- А. И. ОВЧИННИКОВ заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор
- Л. А. ПАСЕШНИКОВА первый проректор СПбГУП, профессор кафедры отраслей права, куратор юридического факультета, кандидат юридических наук, почетный профессор СПбГУП
- В. Г. ПЕТУХОВ профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, судья Уставного суда Санкт-Петербурга (2005–2011), заслуженный юрист РФ, генерал-лейтенант милиции в запасе
- Р. А. РОМАШОВ профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ
- К. Е. СИГАЛОВ профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук
- Р. И. СИТДИКОВА профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук

- М. Г. СМЕРНОВА профессор кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук
- В. В. ТРОФИМОВ директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук
- В. Л. ЭНТИН директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности МГИМО (Университета) МИД России, кандидат юридических наук, доцент

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья! Очень рад, что в работе секции участвуют крупнейшие ученые-правоведы страны и в то же время здесь находится так много молодежи, которой я искренне желаю быть лучше нас, когда наступит пора занять наше место.

Для разработки специальных отраслей знаний особое значение имеют научно-исследовательские, отраслевые и специализированные институты. Их огромная роль заключается в разработке специальных направлений гуманитарной науки, а задача университетов — сосредоточить внимание на интегральном знании. Это не означает, что можно не учить юристов юриспруденции, а означает, что нужно постоянно помнить о междисциплинарности. Поэтому очень хотелось бы посмотреть на проблемы, обсуждавшиеся вчера, глазами правоведов. Эти люди с особым складом ума могут предлагать очень неожиданные решения.

Безусловно, юриспруденция занимает особое место в духовной жизни общества. Она связана в первую очередь с мягкими регуляторами общественных отношений — моральными и социальными истинами, которые со временем меняются, а в настоящий момент и вовсе эволюционируют стремительно как никогда. Мы видим, что в мире начинается жесткая конфронтация между так называемой новой этикой Запада и традиционными ценностями. Эта «новая этика» полностью противоречит принципам, лежавшим, в частности, в основе создания США. Документы, которые озаменовали собой начало строительства американского государства, имеют очень мало общего с событиями, происходящими там сегодня. Не случайно сносятся памятники основателям Америки. Аналогичным образом ценности, разделяемые сегодня в Европейском союзе, не соответствуют положениям документов, с которых началось создание ЕС.

Западный мир отбрасывает принципы, выработанные за тысячелетия существования культуры. На мой взгляд, это трагедия, которой заканчивается лидерство Запада. В западных странах пока еще неплохо обстоят дела с оружием и экономикой, хотя в экономической сфере ситуация стремительно ухудшается. На мой взгляд, такое отрицание ценностей свидетельствует о моральной деградации и злодейском, я бы сказал, отношении к праву, которое по большому счету было выработано именно в рамках западной цивилизации.

Мы много лет говорили о глобализации, но на самом деле это была вестернизация — попытка Запада переделать планету по своему образу и подобию. Никто, кроме западных стран, не хочет идти по пути «новой этики», понимая, что этот путь опасен и приведет к краху. Так считают не только в России, но и в арабских государствах, Азии, Латинской Америке. Африка, в некоторой степени стоящая особняком от конфликта России и Запада, но все-

таки скорее склоняющаяся к поддержке В. В. Путина, а не Дж. Байдена, оказалась мировым изгоем.

России необходимо выработать предельно понятную позицию, базирующуюся на основных ценностях права. Думаю, что для юристов особенно значима риторика российского Министерства иностранных дел о том, что Запад сегодня пытается заменить международное право придуманными им и не разделяемыми основной частью человечества правилами. Это очень опасно.

Опасность угрожает в том числе и России. В нашей стране произошли существенные деформации образования. Каждый год мы отчисляем примерно 250 студентов. Таким образом мы теряем около 50 млн рублей, но принципы важнее. В этом году мы потеряли на отчислениях в два раза больше денег, поскольку знания первокурсников не соответствуют требованиям нашего вуза.

Например, поступающие на факультет конфликтологии могли выбрать при сдаче ЕГЭ между иностранным языком и историей. Многие выбрали иностранный язык. Эти студенты не могут освоить гуманитарный цикл наук, потому что им не хватает знаний по истории. Они говорят, что перестали обращать на нее внимание за два-три года до окончания школы. Зачем им история, если для поступления в вуз нужен ЕГЭ по английскому языку? Но тот, кто не знает истории, испытывает сложности с пониманием литературы, философии, культурологии и других дисциплин базового цикла. Молодежи сложно ориентироваться в современном мире. Если молодой человек уделял внимание только иностранным языкам и толком больше ничего не знает, ему можно навязать любые воззрения, чем и занимается западная пропаганда. Она разорвала в сознании молодежи связь между свободой и ответственностью.

В такое время чрезвычайно важно вернуться к понятию мягких регуляторов, которые, подчеркиваю, проверены тысячелетиями развития цивилизации. Конечно, они должны работать во взаимосвязи с жесткими регуляторами. Соотношение между моралью, нравственностью и правом с учетом происходящих в мире событий особенно важно.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Дорогие друзья, уважаемые коллеги, разрешите вас приветствовать!

Я рада, что сегодня студенты могут наконец воочию увидеть исследователей, о которых мы так много говорим на занятиях. Очень приятно, что мы возобновляем Лихачевские чтения после трехлетнего перерыва. По традиции вначале я предоставляю слово руководителем секции, чтобы они сделали несколько вводных замечаний. Академик РАН Андрей Геннадьевич Лисицын-Светланов, пожалуйста.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Дорогие коллеги, позвольте прежде всего выразить большую бла-

годарность руководству Университета и, безусловно, вам — участникам Чтений. Сегодня мы постараемся рассматривать проблемы более широко и подходить к ним как с точки зрения права, так и с точки зрения ценностей и нравственности в условиях глобальных трансформаций. Вопросы, которые сегодня возникнут, будут индикатором проблем, волнующих каждого из присутствующих — и преподавателей, и студентов.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Профессор Гадис Абдуллаевич Гаджиев, Вам слово.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Я тоже хочу начать со слов благодарности Университету и Александру Сергеевичу Запесоцкому. До сих пор у нас не было возможности видеться очно, а онлайн-встречи не дают ощутить всю роскошь живого человеческого общения.

Сегодня СПбГУП, как и всегда, предоставляет юристам возможность обсудить актуальные вопросы. Выражение «актуальные вопросы», уже затершееся, сейчас совершенно изменило свой смысл. Происходит разрыв шаблонов и штампов. Наступило очень трудное время, особенно для молодых юристов, которые стоят в передней величественного здания права и которым еще предстоит понять, что такое право, как феномен. Это понимание необходимо для того, чтобы поклоняться праву, верить в него, проявлять ему преданность. Сейчас право переживает не лучшие времена. От международного права вообще, можно сказать, ничего не осталось.

И все равно право должно победить. Мы, юристы, в это верим. Наша задача — помочь ему выжить в чрезвычайных условиях. Думаю, сегодня мы и будем обсуждать, как этого добиться.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — С удовольствием представляю слово нашему первому выступающему — профессору Николаю Семеновичу Бондарю.

Н. С. БОНДАРЬ: — Лихачевские чтения — это уникальное научное мероприятие, обладающее собственным колоритом. Его уникальность — в широком, междисциплинарном подходе к рассматриваемым проблемам, и вчера это было в полной мере продемонстрировано. С учетом такой специфики, как мне кажется, будет нелишним вспомнить методологический принцип «брита Оккама»: не следует умножать сущности без необходимости. Иными словами, нет необходимости дополнять исследование тех или иных явлений новыми аспектами, которые не имеют сущностного значения. Очень рад, что «брита Оккама» не прошла по юриспруденции. Ее не исключили из проблематики Лихачевских чтений, которая была обозначена как «Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка». Я бы предложил добавить в это название еще два слова. Во-первых, не просто «глобальный конфликт», а «глобальный конфликт ценностей», прежде всего конституционных, и во-вторых, не просто «нового мирового порядка», а «правопорядка». Тогда представительство юриспруденции при исследовании соответствующих вопросов будет полноценным.

Следует подчеркнуть, что неизменными, вневременными основополагающими ценностями быть не могут. Однако не будем забывать мудрые изречения древних. «Все настоящее — это только мгновение вечности», — говорил Марк Аврелий. Чтобы мы ощутили связь сегодняшнего дня с вечностью, я позволю себе вспомнить слова, которые молодое поколение, наверное, хорошо знает. Это строка из

песни группы «Гости из будущего»: «Только я, как прежде, верю в бесконечность каждого мгновения на земле».

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется профессору Чарльзу Адриану Скотту Годдарду.

Ч. ГОДДАРД: — Мое выступление в основном будет адресовано студентам.

Есть такая китайская поговорка, даже проклятие: что бы ты жил в эпоху перемен. А мы определенно живем именно в такую эпоху. Мы столкнулись с пандемией COVID-19, прямо сейчас идет специальная военная операция, три дня назад заместитель министра науки и высшего образования России объявил о выходе страны из Болонской системы. Вокруг царит русофобия, поощряется открытый, неприкрытый расизм против России и русских, и занимаются этим, как ни печально мне это признавать, люди вроде премьер-министра Великобритании и нашего министра иностранных дел. Повторю — открытый, неприкрытый расизм.

Что касается студентов и молодежи, то все перечисленное создает для них некомфортную новую реальность; думаю, из-за этого впоследствии к ним будут относиться совершенно по-другому. Так что, готовясь к сегодняшнему выступлению, я спросил себя: как же им помочь? Я бы хотел осветить истоки и причины сложившейся сегодня ситуации.

Возможно, вы знаете, что НАТО началось с Дюнкеркского пакта 1947 года. Постепенно сформировалось взаимное соглашение о гарантии безопасности в случае проявления агрессии в Европе. С момента заключения Брюссельского пакта в него вносили поправки 18 раз, и вы видите, как у наших границ оказывается все больше стран, присоединившихся к НАТО. НАТО и Америка поддерживают европейскую экспансию; по-моему, они создали в Европе абсолютно обезличенный коллективный менталитет, который сильно отличается от того, с чем я сталкиваюсь здесь, в России.

Особенно интересным источником информации о русской культуре стала для меня программа Никиты Михалкова. Я хотел бы зачитать вам отрывок одного высказывания Михалкова, который, как мне кажется, стоило бы осмыслить иностранцам на Западе. Надеюсь, что эти слова найдут отклик и в вашей русской душе. Цитирую: «...мы же понимаем [он говорит о русских], что мы никогда не будем милы. Мы — другие. Наша вера — другая. Наши представления о добре и зле — другие. Не потому, что мы лучше, но мы другие. <...> мы должны быть мощными, независимыми, вооруженными, знать свое место и точно понимать, что никому его не отдадим. И это должно быть основой для нас. Вот, как мне кажется, основой нашего существования должны быть только национальные интересы нашей страны и наших народов».

По-моему, очень жаль, что на Западе не прислушиваются к словам Никиты Михалкова и другим им подобным: раз не прислушиваются, то попросту не поймут, кто мы и как живем. Наша задача, на мой взгляд, состоит в том, чтобы сопротивляться этой приливной волне расширения Европы и НАТО, которое угрожает нашим границам — и в плане территории, и в плане культуры. Думаю, мы должны противостоять этому всеми способами, какие имеются в нашем распоряжении. Для тех из нас, кто преподает в школах и вузах, все сводится, пожалуй, к тому, чтобы формировать у молодежи умение мыслить, вооружать ее для борьбы с приливной волной обезличенной экспансии.

Как эта экспансия на нас повлияла? Я уже упоминал Болонский процесс, превративший превосходную пятилетнюю форму высшего образования — специалитет, — оставшуюся с советских времен, в систему, которая воспроизводит (вернее, уже в прошедшем времени — «воспроизводила») европейские и британские образцы. Думаю, это пример соблазнов либерализма и либерального мышления: мол, происходящее на Западе лучше, чем происходящее здесь. На мой взгляд, некоторые попались в эту ловушку, так что предлагаю выбираться из нее всеми возможными способами.

В Московском государственном юридическом университете им. О. Е. Кутафина, где я работаю, есть кафедра правового моделирования, готовящая к конкурсам модельных судебных процессов. Существует ряд международных соревнований, где участники рассматривают вымышленное дело, причем все они получают одинаковый набор фактов. Студенты должны подготовить глубоко обоснованные правовые доводы для обеих сторон — и для истца, и для ответчика. Они предоставляют письменную работу, а потом выступают устно, как адвокаты в суде. Таким образом, на соревнованиях студенты исследуют возможности диалектического противостояния на очень высоком научном уровне. Нашему университету дважды за последние пять лет доводилось выигрывать российские туры Конкурса по международному праву им. Филипа К. Джессопа в номинации «Международное гуманитарное право и защита прав человека». Также мы отправляли студентов на Конкурс по международному коммерческому арбитражу им. Виллема С. Виса в Австрию и на Франкфуртский инвестиционный арбитражный учебный суд. Об этой области стоит подумать каждому, кто интересуется правом, потому что с учетом принятых против России санкций нам явно придется защищать свои законные права в международной сфере. В этой связи важно упомянуть о том, что при обучении студентов нужно помнить о языковой подготовке.

В заключение изложу свои выводы. Я бы хотел стать свидетелем увеличения финансирования образования до уровня Советского Союза. Я бы хотел изменить систему образования так, чтобы она отвечала вызовам, обозначенным секретарем Совета безопасности России Николаем Патрушевым. Я бы хотел, чтобы студенты в этой системе учились диалектике, а не привыкали к эмоциональным дебатам, ценностям и доводам, пришедшим из-за рубежа и развещающим наш образ жизни и культуру. И наконец, вопрос для другого дня и другого времени: как сделать российские университеты такими, как этот, — теми, куда иностранцам нравится приезжать и учиться, а не теми, откуда они будут пытаться забрать с собой наших студентов.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Позволю себе высказать два-три соображения.

Что касается определенных международных расхождений, то они неизбежны и необходимы для сосуществования наций. Если посмотреть на ситуацию с правовой точки зрения, то выделяется отдельное направление исследований — проблемы взаимодействия различных правовых культур. Этой проблеме необходимо уделять должное внимание как при преподавании, так и при изучении права.

Второй вопрос, на котором хотелось бы остановиться, — Болонская система. Не берусь судить, хороша она для нашей страны или плоха. Опасность, как мне кажется, кроется в другом. Если мы откажемся от Болонской системы и введем жесткое регулирование высшего образования, создадим универсальные правила для всех вузов и на-

правлений науки, то, как говорится, сменим лягушку на кукушку. Главное в этом вопросе — дать университетам максимально допустимую возможность самоуправления.

Наконец, последнее замечание относительно языка. В настоящее время языковая подготовка в России кажется мне неудовлетворительной. Кто в 1950-е годы преподавал в СССР язык частным образом? В основном выпускники гимназий, окончившие их до 1917 года. Дорога в высшие учебные заведения представителям определенных социальных групп после революции была закрыта, но знаний, которые они получили в гимназиях, было достаточно для преподавания. Сейчас о подобном не идет и речи. Вопросы, связанные с языковой подготовкой в современной России, отнюдь не второстепенны, и они должны быть сегодня в центре внимания.

Р. А. РОМАШОВ: — Предоставляю слово доктору юридических наук Валентине Викторовне Лапаевой.

В. В. ЛАПАЕВА: — Уже несколько месяцев мы живем в новой реальности и участвуем в ее формировании. Главное, что я вынесла из вчерашнего планарного заседания, — у нас есть представление о стратегии развития России в новых внешнеполитических условиях. В то же время представления о стратегии внутригосударственного развития нет. Вчера много говорили об образе будущего, но каких-то подходов к формированию этого образа или даже намеков на них я, честно говоря, не увидела. Поскольку стратегии внутриполитического развития нет, то, разумеется, и о правовом обеспечении такой стратегии говорить сложно. Тем не менее некоторые проблемы правового характера обозначились.

Гадис Аdbуллаевич Гаджиев очень верно сказал, что право сейчас оказалось в тяжелой ситуации. Как ценность, родившаяся на Западе, но получившая развитие во всем мире, право, в частности международное, переживает глубокий кризис. Международно-правовые отношения России с точки зрения экономики, науки и культуры находятся в сложном состоянии. Это создает предпосылки для ослабления правового начала в потенциале внутригосударственной политики.

Конечно, на уровне риторики речь пойдет не о свертывании права, а об отказе от его универсального понимания и ориентации на некое самобытное право, которое отвечает особенностям российской ментальности и т. д. При всей несомненной привлекательности такого подхода он представляется мне, во-первых, ошибочным, а во-вторых, опасным. Что касается ошибочности, сошлюсь на нашего швейцарского коллегу Ги Меттана, который вспомнил изречение Конфуция о том, что когда общество утрачивает смысл слов, оно теряет свободу. К слову «право» это относится как к никакому другому слову, потому что право — это равная для всех мера свободы. Но «право» — это не просто слово, а научное понятие. Вчера также очень кстати упомянули Чехова, говорившего о том, что нет национальной науки, как нет национальной таблицы умножения. Кроме того, есть замечательное выражение В. С. Нерсесянца о том, что право — это математика свободы.

Таким образом, отказ от правового подхода нельзя считать правильным направлением развития. Есть представление, что подобный подход не соответствует ценностям российской цивилизации. Я с этим совершенно не согласна. И в Конституции России, и во Всеобщей декларации прав человека, и во многих других международных актах говорится о том, что права личности не только могут, но и должны быть ограничены для защиты ценностей

общего блага. Правовой подход означает лишь то, что эти ценности должны не навязываться обществу сверху, а выработываться в рамках демократической процедуры правообразования: только таким образом можно гарантировать, что ограничения прав будут носить всеобщий равный характер без дискриминации одних и наделяния привилегиями других.

Однако отсюда вовсе не следует, что российское общество разочаровано в праве как равной для всех мере свободы. Вспомним, что было главным импульсом перестройки согласно социологическим опросам. Люди стремились к праву, демократии, свободному рынку, стремились так сильно, что массово выходили на улицы. Сейчас речь пока идет не об импульсе, а о социальном запросе, и это запрос на справедливость. В чем его истоки? Порыв общества к праву был использован (думаю, сознательно) в интересах очень узкой прослойки людей, и народ ощутил эту несправедливость.

Я не имею в виду, что люди хотят неправовой справедливости. Они стремятся ко вполне понятным, простым вещам, о которых вчера говорил академик Глазьев: меритократии (власти лучших), равному старту для всех и социальной защите для тех, кто по независящим от них обстоятельствам оказался в трудных жизненных условиях. С обоснованностью таких требований согласны все. Вопрос в том, как их выполнить и почему мы не можем этого сделать. Этой цели нам мешает достичь очень болезненная проблема, причем, возможно, нерешаемая. Причина, которая блокирует нормальное продвижение нашего общества в сторону социально-правовой справедливости, заключается в крайне неправовом характере преобразования отношений собственности. Сейчас трудно сказать, как с этим бороться. Во всяком случае такой вопрос даже не поднимается.

Между тем в обществе ощущается запрос на перемены, что ясно и без социологических исследований. Это настроение будет сгущаться, усиливаться. Люди увидели, что власть пошла на кардинальные перемены в сфере международно-политических отношений. В такой ситуации она остро нуждается в поддержке общества, и общество будет предъявлять условия ее получения. Предъявлены они будут в форме запроса на пересмотр итогов приватизации. Эту тему мы вчера не затрагивали в силу, опять же, ее крайней болезненности. Значит, исследователи не готовы к такой постановке проблемы. Однако общество заставит нас ее решать, и на подобных форумах мы должны к этому подготовиться.

Сейчас разные авторы стали писать о необходимости национализации. Однако непонятно, о какой национализации идет речь. Возмездной? Национализации-конфискации? Также непонятно и то, к чему мы придем в итоге. Что означает левый поворот, о котором вчера говорили многие ораторы? Возврат к социализму? Если да, то мы вернемся к проблемам, от которых пытались уйти в период перестройки, причем в гораздо худших условиях. К тому же, на мой взгляд, возврат к социализму означал бы жесткую дисквалификацию России как исторического субъекта: получится, что страна мечется от одной крайности к другой, и обе, как говорится, хуже. Если же отбросить социализм как опыт развития страны, посчитать его исторической ошибкой (очень популярная точка зрения), то это в меньшей степени будет означать историческую дисквалификацию нашей страны, ведь социалистический период был периодом ее наибольшей значимости. Тогда Россия предложила миру образ будущего, привлекательный для очень многих. Сейчас у нас такого образа нет, и его необходимо формировать.

Идеология нужна для того, чтобы соединить социалистический опыт с перспективой правового развития страны. Требуются смелые идеи, которых пока нет. В конце перестройки подобную идею предложил В. С. Нерсисянц. Он говорил о цивилизме — постсоциалистическом строе, основанном на правовой десоциализации (не приватизации!) собственности, в результате которой каждый гражданин страны станет в равной мере обладать долей доходов от рыночного использования общественного достояния. Идея не была реализована, ее сочли утопической, но в этой связи хотелось бы напомнить Гадису Абдуллаевичу Гаджиеву о его замечательной статье, в которой был задан вопрос: «Должны ли мы защищать награбленную собственность?». Вопрос прозвучал как риторический, однако ответить на него нужно. Если мы не сможем сформулировать ответ на таких форумах, то в ближайшее время будем просто плыть по волнам, и я очень боюсь, что это окажутся волны народного гнева.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется Андрею Геннадьевичу Лисицыну-Светланову.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Во-первых, позволю себе дать некоторые оценки относительно того, что прозвучало вчера. Состоявшаяся дискуссия обозначила глобальный характер кризиса, который мы сейчас наблюдаем на Украине.

Мне очень понравились и доклад, и выступление академика Глазьева о причинах того или иного военного конфликта. Следует еще раз подчеркнуть значение новых игроков на международной арене, которое вчера уже отмечалось. Они полностью меняют и характер международных отношений, и контуры будущего мира.

Возьму на себя смелость дополнить проведенный вчера анализ текущих и возможных событий правовой составляющей. Любая модель (политическая, экономическая, социальная и пр.), предложенная даже самым сильным правительством или конкретным лидером, обретает практический смысл только тогда, когда реализуется в праве, причем в каком угодно — международном, национальном, статутном, прецедентном или даже обычном. Без этого она становится лишь мыслью, соображением, которое можно обсудить. Также юристам необходимо выявить основные риски, связанные с той или иной моделью. Важно, чтобы такая работа проводилась не постфактум, а в самом начале реализации проекта.

К сожалению, я пришел к убеждению, что для вида homo sapiens характерно состояние войны. Обратитесь к истории человечества и попробуйте назвать более или менее длительный временной период, проведенный им без конфликтов. Мирное существование, продолжавшееся (пусть и с оговорками) с 1945 года до сегодняшнего дня, закончилось. Как ни прискорбно, но фраза «Хочешь мира — готовься к войне» правдива.

Однако любая война когда-то заканчивается, в конце концов неизбежно наступает мир, и юристам нужно быть к этому готовыми. Мир сам по себе не заключается, его заключают субъекты. Таким образом, возникает первый вопрос: какие субъекты международного права при нынешнем его состоянии разрозненности и упадка будут участвовать в определении условий мирного соглашения?

Также возникают вопросы относительно предмета будущего договора. Право, как и существовавшие раньше договорные отношения, действительно разрушено. Специализированные учреждения ООН практически не работают. Договор должен будет определить и саму систему

новых международных отношений, и количество лет, которое она просуществует.

И наконец, последняя ремарка. Мы часто говорим о социальном равенстве, но я не верю, что оно существует.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется профессору Владимиру Ивановичу Круссу.

В. И. КРУСС: — В стремительном обсуждении происходящего участвует огромное количество авторитетных людей, гуманитариев разных направлений: политологов, экономистов, культурологов и т. д. Но ничтожно мало юристов, особенно там, где есть информационно открытая, общедоступная визуализация диалога. Фактическое отсутствие юристов в этом обсуждении и запроса на юридическую коннотативность обсуждаемого не волнуют общество.

Мне кажется, что сами юристы не хотят участвовать в дискурсе: ученые-юристы — теоретики, философы, конституционалисты — в глубине души должны признаться, что по большому счету им нечего сказать, что бы они ни говорили. Если они и рассуждают, то это в лучшем случае отсылка к тому, что мы сегодня уже слышали, — попытка возродить из небытия идеи, высказывавшиеся в контексте совершенно иной геополитической ситуации — распада Советского Союза, которая тогда была призвана обеспечивать возможность перевода принципа формального равенства в цивилитарный проект собственности, или цивилитаризацию собственности. Но сейчас для этого нет соответствующих предпосылок, экономических факторов.

Что может сказать юриспруденция? Если есть запрос на справедливость, гипотетическое благополучие мира, право должно высказаться по поводу новых образов, перспектив и моделей, которыми можно попытаться восполнить рушащуюся социальную реальность, подпитываемую извращенными, аномальными идеями новой нормальности. Прежде всего это важно для молодых людей, которые наполнены ощущением восторга, радости от полноты, красочности и чрезвычайной открытости, доброжелательности мира, которому на самом деле они могут оказаться не нужны. Но ведь этот мир и есть они.

Запад прежде всего враждебен и агрессивен по отношению к тому, что он вынашивал и культивировал как свою исключительность. Право — это, по сути, западная традиция, культурный проект, который всегда был экспансионистским и колониалистским, но обрамлялся в красивую упаковку и пропитывался сладостной патокой идеи права как воплощения универсального рецепта справедливости. И вдруг Запад отказывается от этого права, деактуализирует его в той мере, в какой это необходимо для того, чтобы решать совершенно другие задачи — сугубо экономические, включая полное устранение и нуллификацию потенциального конкурента, который заявил о себе. Таким конкурентом выступает Россия, которая говорит о том, что этот проект можно поставить под сомнение с точки зрения его универсальности, в том числе базирующейся на якобы универсальных общепризнанных принципах и нормах права.

Запад отказался от общепризнанных принципов и норм права и деактуализировал их применительно к России. Хотя наша страна заявляла о своей приверженности общепризнанным принципам и нормам права. Сейчас Россия пытается принимать ответные меры в юридическом плане, причем без участия ученых-юристов. Юристов не спрашивают в ситуации, когда законодательные технологии стремительно модернизируются и преобразу-

ются в совершенно иной формат, не дают времени подумать, чтобы оценить то, что происходит. Нам некогда думать, потому что все стремительно меняется.

На мой вопрос: «Какую высшую ценность вы можете назвать?» студенты отвечают: «Права и свободы человека». А Россия — это ценность? Немного подумав, говорят: «Да». Россия — это более высокая ценность, чем права и свободы человека? Студенты отвечают: «Нет». Если вы живете ответственно, как члены своей семьи, как граждане своего государства, как люди, понимающие, что их будущее немисливо и не существует без России, то Россия — это наивысшая ценность.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется профессору СПбГУП Роману Анатольевичу Ромашову.

Р. А. РОМАШОВ: — Уважаемые коллеги, вчера произошли, на мой взгляд, три значимых события: два — концептуальных, одно — практическое, которые предполагают формирование новой картины мира.

Первый момент. Вчера специальный представитель Президента РФ по вопросам цифрового и технологического развития Дмитрий Песков обозначил стратегию «островизации», в соответствии с которой мир представляет собой островные лакуны. По мнению Д. Пескова, государства, которые могут конкурировать, должны обеспечивать технологический суверенитет, задачи которого очень просты: безопасность от внешней агрессии, энергетическая и продовольственная независимость, обеспечение государства товарами первой необходимости, транспортные связи, производство информации и, наконец, доступ к средствам производства средств производства. На мой взгляд, эти задачи просто проговариваются, но достаточно сложно решаются.

Второй момент. Вчера Президент России Владимир Владимирович Путин обозначил свой подход к типологии государства, заявив, что все современные государства делятся на суверенные страны и колонии. При этом у стран-колоний нет исторического будущего, и соответственно они приобретают значение только тогда, когда в их отношении имеет место патронат суверенного государства.

Третий момент. Вчера суд Донецкой Народной Республики вынес три смертных приговора в отношении иностранных наемников — граждан Великобритании и Марокко. ДНР — сложное понятие. Если, цитируя президента, мы говорим о существовании суверенных государств и колоний, то говорить о ДНР как о суверенном государстве пока довольно сложно. Несомненно одно: эта страна находится в рамках геополитических интересов России.

Кроме того, президент, говоря о геополитике, сравнил период своего президентства с периодом правления Петра I и добавил, что геополитическая борьба всегда была, есть и будет. Поэтому принятие страной, которая находится в сфере наших политико-правовых интересов, решения о смертной казни, на мой взгляд, вызывает закономерный вопрос: «Насколько Россия вовлечена в это решение?» Если мы говорим о видоизменении мира, то для России в настоящий момент идет речь о самоидентификации, об отказе от западной либеральной идеи, то есть от вестернизации. В связи с этим возникает проблема определения приоритетов. В настоящий момент безусловным приоритетом развития России является ориентирование на коллективную Азию (понятие «Восток», думаю, себя исчерпало).

Академик А. Г. Лисицын-Светланов сказал о том, что война в настоящий момент продолжает восприниматься

как инструмент изменения мира. В условиях современных технологий она утрачивает свое конструктивное значение и невыгодна ни тому, на изменение кого направлена, ни тому, кто действует в государстве. Можно сколько угодно говорить о правильности спецоперации, которую Россия проводит в настоящий момент, но нужно помнить о том, кто в мирное время будет ликвидировать ее последствия. Если Россия, что логично, то это экономически невыгодно. Если Запад, то это невыгодно геополитически.

И вот поэтому, когда мы говорим об обращении к России сегодня, не важно, идет речь о Европе либо Западе в целом, возникает проблема определения России в мировом ВВП. Доля России в мировом ВВП составляет порядка 2 %, что не предполагает серьезного влияния. Я патриот, для меня Россия очень значима. Но для сравнения: доля Соединенных Штатов Америки в мировом ВВП — примерно 24 %, Китая — около 17 %, коллективного Запада — 40 %, коллективной Азии — около 25 %. Поэтому сейчас для экономики России важен вопрос об экономическом суверенитете, который в настоящий момент может быть определен только посредством выбора ориентира. Сегодня, как мне представляется, это выбор азиатского ориентира, что является поворотным этапом и качественным образом отличает правление президента Путина от правления Петра I, потому что у последнего была четкая ориентация на вестернизацию. Сейчас происходит кардинальное изменение выбора пути России в перспективном будущем.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется профессору Алексею Игоревичу Овчинникову.

А. И. ОВЧИННИКОВ: — Сейчас активно разрабатывается новая типология государств, в том числе западными учеными, которые признают, что эпоха национальных государств уходит в прошлое и настало время цивилизационных государств. И у России есть все шансы остаться таким цивилизационным государством. Но для этого нужно понять, кто мы, и ответить на вопросы, что представляет собой государственно-правовая европейская идентичность и является ли Россия Европой.

Если рассматривать европейскую культуру, идентичность как синтез античной культуры и христианства, то Россия является ярко выраженным европейским государством, европейской цивилизацией. Европейские страны, утратив христианскую идентичность, уже давно вступили в фазу постхристианского развития, и Западная Европа рассталась со своей идентичностью.

Когда говорят о том, что нужно конструировать образ будущего, возникает вопрос, что делать с прошлым, потому что многие противоречия в нашем обществе связаны с тем, что до сих пор не найдены ответы на вопросы: «Россия, имперская, царская, монархическая, великокняжеская, — наследница византийской культуры?», «Сохранение античных представлений о праве, государстве, обретение христианских взглядов на государство и право должны присутствовать в нашей идентичности или нет?»

Валентина Викторовна Лапаева высказала тезис о том, что право — это изобретение западной культуры. А законы Моисея — это не право? Дигесты Юстиниана — это не право? Россия о Дигестах Юстиниана узнала гораздо раньше, чем Западная Европа, которая познакомилась с ними в результате Четвертого крестового похода. Россия сблизилась с Византией в конце X столетия, а договоры с Константинополем были заключены еще раньше. Иными словами, нельзя четко идентифицировать право

как конструкт Западной Европы. Постхристианское право, право светского гуманизма, секулярного гуманизма — это изобретение Запада. К чему оно привело, мы видим: однополые браки, эвтаназия, транссексуализм, феминизм, — с последствиями для общества, которое активно вырождается. Закат Европы был описан задолго до сегодняшних дней.

Я хотел бы кратко ответить на несколько главных вопросов. Первый: нужна России государственная идеология или нет? На мой взгляд, государственная идеология России не нужна. Мы пережили тоталитарный период развития. Нужны государственная идея, идеал, общественная идеология.

И надо отдать должное президенту России, он предлагает развиваться именно в этом направлении. Когда появился проект указа о традиционных духовно-нравственных ценностях, он вызвал дискуссию в обществе. А нужен ли нам вообще юридически закрепленный список базовых ценностей? Как выяснилось, нужен, особенно в условиях новой нормальности, новой этики, когда молодежь негативно относится к тезису о том, что государство России является более высокой ценностью, чем собственное благо, личная жизнь и счастье. Конечно, необходимы меры по юридическому закреплению базовых ценностей, потому что мы не должны забывать, что право — не только механизм принуждения, но и мощное средство конструирования социального порядка. По сути, здесь собрались социальные инженеры будущего, потому что именно посредством нормативных актов конструируется образ желаемого будущего.

Второй вопрос: как быть с тем, что наша Конституция создавалась с ориентацией на либеральный ценностный стандарт, закрепляя иерархию либеральных ценностей? Вспоминается фраза профессора В. Д. Зорькина, Председателя Конституционного Суда, сказанная в 2003 году по поводу десятилетия Основного закона РФ, что Конституцию нужно не править, а интерпретировать.

Я, как многодетный отец, хотел бы высказать благодарность присутствующему здесь Гадису Абдуллаевичу Гаджиеву за то, что неоднократно в постановлениях Конституционного Суда применялась норма статьи Конституции, согласно которой нравственность должна верховенствовать над правами человека. Так было, когда не разрешили проводить гей-парад в Москве по обращению ЛГБТ-сообщества и в других случаях. Проблема заключается в том, что сегодня судьи Конституционного Суда не определяются официально как носители духовно-нравственных ценностей. Что будет завтра, когда понятие нравственности, используемое для ограничения прав и свобод, может приобрести иные смыслы, неизвестно. Николай Семенович Бондарь сказал о том, что вечные нравственные ценности могут изменяться и переинтерпретироваться — именно это мы сейчас наблюдаем в новой этике.

На мой взгляд, необходимо не принудительное закрепление государственной идеологии, а ее развитие в дискурсе, например в доктринальных документах, каковыми являются доктрина нравственности, нравственных ценностей и т. д. Это не нормативный, а доктринальный акт, который носит информирующий, социально-конструктивистский характер.

Если мы таким образом будем развиваться, то преодолеем трудности и сохраним свою традиционную идентичность, в первую очередь христианскую (она же авраамическая, поэтому легко синтезируется с исламом, иудаизмом и другими традиционными конфессиями). Тысячелетний опыт сосуществования с другими конфессиями,

полиэтничности, поликонфессиональности, который мы имеем, уникален и может служить образцом для всего мира.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется профессору СПбГУП Алексею Алексеевичу Ливеровскому.

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ: — Несколько слов о состоявшейся вчера дискуссии, посвященной идеологии. Я был несколько ошарашен: многие выступающие говорили о том, что нам нужна государственная идеология. И обсуждение шло вокруг одного вопроса: нужно ее сформулировать или она возникнет сама и ее надо просто закрепить?

У меня такой вопрос даже не возникает. Закрепление в Конституции тезиса, что государственной идеологии быть не может, стало ответом на ситуацию, сложившуюся в советское время, когда у нас была единственно верная идеология марксизма-ленинизма, отступление от которой каралось и имело непрогрессивное значение для развития нашего государства. Генетика и кибернетика были запрещены как идеологически вредные, люди подвергались репрессиям, ученым запрещалось проводить исследования, что нанесло большой вред стране.

Плохо, когда какая-либо идеология становится государственной и существует принуждение к ней. Но можно говорить о том, что в обществе должно возникнуть некое миропонимание, идеология, прежде всего конституционная. Я хочу напомнить замечательное высказывание академика В. С. Нерсисянца, который сказал, что настоящая государственная, или общественная, идеология — это конституционализм, то есть совокупность идей о том, какой правопорядок должен быть в обществе, чтобы люди были счастливы. Ценности должны быть прежде всего человекоцентричными — жизнь и достоинство человека.

В основе лежит конституционная культура общества. Но возникает вопрос: какая конституционная культура наша?

Я согласен с тем, что сказал Алексей Игоревич Овчинников: именно авраамические религии (ислам, христианство) создают почву для объединения разных культур, в том числе религиозных, при формировании конституционной культуры.

Русская культура выступает объединяющим фактором, позволившим создать наше замечательное государство. Но когда мы говорим о том, что самое главное — «жила бы страна родная, и нету других забот», то не должны забывать о том, что прежде всего государство для человека, а не человек для государства. Эта фраза существует подспудно в нашей Конституции, конституционный человекоцентризм очень важен.

Когда речь идет о русской культуре, то вспоминаются восточные славяне, которые, выйдя с побережья Дуная, направились на север. Племена назывались в соответствии с природными условиями, в которые они мигрировали (древляне шли по лесам и пр.). Они поднялись на север и образовали демократическую Новгородскую республику. Так зарождалась Русь и русская культура. Сегодня мы должны найти себя и сказать, кто мы такие. Каждый должен задуматься, кто он, — это очень важно.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — К микрофону приглашается профессор Василий Владиславович Трофимов.

В. В. ТРОФИМОВ: — Я согласен с ранее прозвучавшим тезисом о том, что существующий человеческий мир никогда не находился в состоянии «невоющего» сколько-нибудь длительное время. Все мы разные, начиная от

индивидов и заканчивая крупными государствами. Отсюда пересечение и конфликты интересов, попытка отстаивать свои интересы.

Мир всегда претерпевал изменения и переживал катаклизмы, иногда более острые, иногда менее. Такие ситуации случались и в древнейшие времена, и на заре Нового времени. Здесь уместно вспомнить Восьмидесятилетнюю войну, которую вели Соединенные провинции Нидерландов против испанских Габсбургов; Тридцатилетнюю войну, которую вели европейские страны против монополизма одного суверена. Эти войны сопровождались многочисленными жертвами. Все это описал в своем труде «О праве войны и мира» нидерландский ученый Гуго Гроций, который был вынужден эмигрировать во Францию. Я думаю, что к этой книге сегодня нужно проявить особый интерес, возможно, даже переиздать большим тиражом в нашей стране (насколько я знаю, после 1994 г. эта книга не переиздавалась), поскольку в ней заложено много интересных идей, которые сегодня актуальны и ценны как рецепт выхода из сложившейся ситуации. То, что рано или поздно нам придется договариваться, — очевидно.

Сейчас мы наблюдаем кризисный момент, и справедливо говорить о том, что международное право разорвано в клочья, как сказал Гадис Абдуллаевич Гаджиев. Я завидую современным юристам-международникам — это то же самое, что начать с чистого листа. Но так не получится, потому что имеется богатейший опыт международного права, поэтому следует просто остановиться, осмыслить и посмотреть, все ли связи действительно разорваны. Имеют место девиация, отклонения от международного права, хулиганы пытаются нарушать его и покушаться на него. Но есть и те, кто старается отстаивать международное право. Думаю, что у нас хватит сил противостоять разрушению системы международного права, основные принципы которого были сформулированы после Тридцатилетней войны и выразились в Вестфальской системе международных отношений. Вряд ли попытка разрушения удастся, потому что выработанные тогда принципы были объективны. Как писал в своем трактате Гроций, стороны конфликта доходили до безумия, фактически это безумие характерно для нас сейчас. Но рано или поздно рассудок вернется и возникнет необходимость решать вопросы сообща.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется профессору Розе Иосифовне Ситдиковой.

Р. И. СИТДИКОВА: — Переходя к теме своего выступления, хочу сказать, что на пленарном заседании лейтмотивом звучала мысль, что мир переживает серьезные изменения и в каждой области проходит своя спецоперация. В своем выступлении хотела бы коснуться проблемы права интеллектуальной собственности, которой я занимаюсь. Эта мирная отрасль сегодня очень важна, потому что наложенные на Россию санкции касаются преимущественно высокотехнологичных областей — интеллектуальной собственности. В этой сфере происходят интересные сдвиги: мы не нападаем, а обороняемся. Потому что захват нашего рынка интеллектуальной собственности, патентного поля, в целом интеллектуальной собственности ведется уже давно.

Сейчас я с удовлетворением наблюдаю за происходящими сдвигами, потому что наконец стало расширяться отечественное патентное поле, российский рынок интеллектуальной собственности. Это поможет нашим изобретателям и авторам попасть на рынок и получать вознаграждение.

Сегодня огромные суммы вознаграждений уходят иностранным правообладателям. Для решения этой проблемы в российское законодательство вносятся изменения. Отрадно, что все это делается правовыми инструментами. Правительство принимает постановления, согласно которым нужно сокращать размер выплат и компенсаций правообладателям из недружественных стран. За нарушение авторских прав в отношении свинки Пепсы суд отказал в привлечении к гражданско-правовой ответственности и взысканию компенсации на том основании, что правообладатель — из недружественной страны. Действия правообладателя признали недобросовестными. А недобросовестное поведение впоследствии влечет отказ в защите.

Интеллектуальная собственность — область, которая традиционно сохраняет права автора и правообладателя. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (1971) начинается со слов: «Страны Союза, воодушевленные одинаковым желанием охранять настолько эффективно и единообразно, насколько это возможно, права авторов на их литературные и художественные произведения...»

Сегодня акценты немного смещаются. Настало время защищать национальные интересы, в которые входит интеллектуальная собственность, потому что мы ожидаем технологического прорыва. Без создания условий, в том числе правовых, в этой области технологический прорыв невозможен — это наши национальные интересы. Кстати, в ст. 1360 Гражданского кодекса РФ говорится о национальных интересах: «Правительство Российской Федерации имеет право в интересах обороны и безопасности разрешить использование изобретения, полезной модели или промышленного образца без согласия патентообладателя с уведомлением его об этом в кратчайший срок и с выплатой ему соразмерной компенсации». Безопасность и оборона отнесены к национальным интересам. В этом случае правительство может принять постановление о выплате компенсации или ее уменьшении. Недавно правительство приняло постановление об обнулении компенсации. Кроме того, сегодня разрешен параллельный импорт, также направленный на защиту национальных интересов.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Приглашаю на трибуну профессора Марину Геннадьевну Смирнову.

М. Г. СМЕРНОВА: — Я хочу поблагодарить организаторов за интересную конференцию. Спустя длительное время мы собрались в очном формате, радуют выступления участников как на пленарном, так и на секционном заседании.

Я хотела бы затронуть объективные свойства права, о которых выступающие еще не говорили, — это стабильность и динамизм.

Конечно, право должно быть стабильным и закреплять конституционные ценности. Алексей Алексеевич Ливеровский сказал об основных ценностях, которые закреплены в Конституции РФ, — это жизнь и достоинство человека. С моей точки зрения, эти нормы должны носить постоянный характер и не должны меняться.

Если говорить о динамизме, то право меняется, следуя за развитием общественных отношений. Политические, экономические, социальные факторы порождают изменения, на которые право должно реагировать. Так, пандемия коронавируса породила ряд изменений, в том числе ограничение прав, что было закреплено на уровне федерального законодательства и законодательства субъектов Федерации.

Хочу согласиться с Александром Сергеевичем Запесоцким в том, что на сегодняшний день право должно быть тесно взаимосвязано с мягким регулятором — моралью и нравственностью. Именно в морали и нравственности я вижу серьезные ограничения тех изменений, которые происходят. Мир меняется, меняются ценности, но ситуация не должна доводиться до абсурда.

Недавно я прочитала новость о том, что 24-летняя гражданка Индии вступила в брак сама с собой, заявив, что никогда не хотела выходить замуж, но очень хотела побыть невестой, поэтому решила жениться на себе. Она прокомментировала это так: «Может быть, я первая в нашей стране, кто подаст пример любви к себе. Самобрак — это обязательство быть рядом с собой и безусловно любить и принимать себя». Если мы дойдем до понятия «самобрак», тем самым исключим само понятие «брак». На сегодняшний день семья — наиболее важная ценность. Поэтому, с моей точки зрения, именно нормы морали и нравственности должны служить ограничением происходящих изменений и инноваций.

Соотношение морали, нравственности и права — сложная тема. Нравственность может существовать без права, а право безнравственным быть не может. В свое время философ Владимир Соловьев сказал, что в праве должен быть выражен нравственный минимум. Но возникает проблема закрепления нравственных норм.

Что касается новой идеологии, то я согласна с М. В. Захаровой в том, что принципиально новую идеологию создавать не нужно. Следует закреплять и отстаивать те ценности, которые у нас уже есть. Мне импонирует ее мысль, что самая большая ценность — когда граждане хотят жить в своей стране и воспитывать здесь детей. Это будет происходить, когда будет создан соответствующий экономический, социальный, образовательный уровень.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется профессору Галине Михайловне Лановой.

Г. М. ЛАНОВАЯ: — Мне хотелось бы вернуться к тому вопросу, который сформулировал Гадис Абдуллаевич Гаджиев в начале дискуссии: что происходит с правом и что надо делать для того, чтобы оно выжило. Но почему этот вопрос возникает? Чтобы это понять, мне кажется, надо в первую очередь провести четкую границу между национальным и международным правом. У нас эта граница часто стирается. Говорят, что право — единая сложная система, в каком-то смысле похожая на кентавра, но на самом деле, по-моему, между национальным и международным правом нет ничего общего, кроме названия. Международное право — это право договора, которое базируется на договоре сильных. Если сильные смогут между собой договориться и, главное, следовать своему договору, продемонстрировав тем самым пример для остальных, то такое право будет действовать. Национальное право — это несколько другой феномен.

Так вот, почему возникает вопрос о выживании национального права в современных условиях? Потому что альтернативы праву как действенному регулятору в современных условиях нет. Да, есть религия, мораль, традиция и т. д. Но это все специфические регуляторы, не обеспечивающие удовлетворения тех потребностей, которые существуют у человека. Право — это инструмент стабилизации, консервации отношений. Любому человеку хочет жить в стабильной, предсказуемой действительности, хочет знать, что будет происходить завтра, в каких условиях он будет растить детей, будет ли у него возможность реа-

лизировать свои интересы. Мораль и религия имеют большое значение, но они ориентируют человека на какие-то идеальные модели, которые не всегда достижимы. Идеалы необходимы, но человек не может жить только идеалами. У него должны быть реальные ориентиры, которым он сможет следовать. А такие ориентиры способны дать только право, так что альтернативы праву нет.

Но что мы видим сегодня? Помимо стабильности людям требуется упорядочивание динамики социальной жизни. В этом мы рассчитываем на право как на универсальный инструмент, при помощи которого можно решить если не все проблемы, то очень многие. Мы даже пытаемся приспособить право к решению тех задач, которые с его помощью решить невозможно. Например, право не может регулировать динамику общественных отношений, но может их стабилизировать. Однако сегодня такая стабилизация невозможна, поскольку весь мир погружен в хаос.

Прежде чем пытаться закрепить оптимальную модель, нужно определить ее контуры, но сегодня никто не в состоянии это сделать. Поэтому мы пытаемся использовать право для решения актуальных проблем, в то время как право, по крайней мере в том виде, как мы его понимаем, уже не справляется с этой задачей. Есть ли какие-то альтернативы? По-моему, есть. Не все согласятся со мной, но я настаиваю, что государственное право как некая стабильная система, основанная на принуждении, в современных условиях эффективно действовать не способна, особенно с учетом того, что происходит десоциализация, общество распадается на множество групп. На мой взгляд, наиболее перспективным является корпоративное право во всех его формах. Я имею в виду корпоративное право не как отрасль права, а как то, что называется внутрифирменным правом. Основанием для того, чтобы признать за этим правом будущее, может служить эффективность ведомственного права. Именно ведомственное регулирование позволяет довольно оперативно реагировать на существующие проблемы и решать довольно узкие вопросы. И те достоинства, которые есть у ведомственного регулирования, и тот подъем в развитии корпоративного права, который мы сегодня видим, на мой взгляд, свидетельствуют в пользу моего утверждения. Регулирование с помощью норм среднего уровня поможет найти выход из трудных ситуаций, в которых мы оказываемся.

Р. А. РОМАШОВ: — Хотелось бы отметить несколько моментов. Во-первых, необходимо обратить внимание на категорию, связанную с идеологией, и с духовными ценностями, — на права человека. Носят ли они абсолютный характер или относительный? Могу поспорить, что сверхдержава, которая пользуется суверенитетом и оставляет права человеку, может обойтись без изъятий, причем установленных в нормах права. При этом права человека, его желаниям противопоставляются такие категории, как национальная безопасность, внешняя политика и экономические условия. Я имею в виду такой всеобъемлющий закон, как американский закон о контроле над экспортом, который адресуется всем и всегда, в том числе частным лицам, в мирное время и в периоды военного противостояния. Когда мы вырабатываем какой-то идеал, то не можем привести конкретный пример, где этот идеал существует, потому что его нет.

Во-вторых, важно помнить о роли сильного государства, сверхдержавы, и фантомных болях. С моей точки зрения, мы имеем хорошие примеры для иллюстрации данного обстоятельства, которые показывают Россия и Великобритания. Оба государства испытывают определен-

ные фантомные боли. Родители и более ранние поколения родственников современных британцев имели определенное понимание того, как устроен мир и из кого он состоит, и испытывали некоторую гордость от этой картины в своем сознании. Нынешние жители Британии этого лишены. Россия также в какой-то степени страдает фантомными болями, так как доля российского ВВП в мировой экономике сильно сократилась.

В-третьих, какие перспективы ожидают человечество? А вот какие: фантомные боли еще двух государств — Китая и Индии, которые помнят о своих прошлых достижениях (ни одна европейская страна не сравнится!) в культуре, технологиях, развитии философской мысли и пр. А что такое эта память? Сознание конкретных людей, которые живут и будут жить в этих странах. Ведь слово «Поднебесная» — это не журналистский термин, оно имеет источники в иероглифическом написании. Это серьезно.

И последний момент — суверенитет. Суверенитет всегда будет сталкиваться в сознании с желаемым и возможным.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Приглашается к микрофону профессор СПбГУП Вениамин Григорьевич Петухов.

В. Г. ПЕТУХОВ: — Вчерашнее пленарное заседание породило огромное количество мыслей, потому что все выступления актуальны как никогда в той международной обстановке, в которой мы сейчас оказались.

Специальная военная операция, начатая в феврале этого года, обнажила многие проблемы страны. В частности, некоторые представители культуры начали возражать против решений правительства, уехали за границу и теперь оттуда ведут свою подрывную деятельность. Как в этой ситуации следует оценивать понятие правовой культуры? Я бы сказал, что правовая культура — это элемент национальной безопасности общества и государства.

В 1990-х годах мы отказались от огромного количества нравственных постулатов, которые формировались веками. Мы разрушили не только экономику, но и общественное согласие. Перерождение правосознания проявилось в различных формах, прежде всего в виде умышленных нарушений закона. Для молодых людей в 1990-е годы создавалась такая среда, которая во многом изменила их предпочтения. Ведь молодежи не с чем сравнивать, она воспринимает мир таким, каков он есть. А в 1990-х годах нам многое обещали — свободы, права и т. п. Мы получили некоторые элементы правовой культуры, свободы в западном понимании. Но оказалось, что в довесок полагаются и западные же проблемы, в том числе такие страшные, как подростковый шутинг. Если раньше мы неоднократно узнавали в новостях о том, что в США очередной школьник пришел в класс с оружием и расстрелял одноклассников, то теперь и у нас происходят подобные инциденты. Естественная реакция юристов и чиновников — сделать более строгими правовые нормы, чтобы такое не повторялось. Скажем, молодой человек призывается на военную службу в 18 лет, соответственно с этого возраста он учится обращаться с оружием. Наши правоведы предложили повысить до 21 года возраст, в котором разрешается иметь дело с огнестрельным оружием. Но будет ли это эффективным решением? Ведь корень проблемы — в нравственном состоянии молодежи, на которое уже давно пора было обратить внимание.

Мы должны понимать, что общественные отношения — это основа, формирующая нравственное состояние социума. Мы говорим о законе, который должен регулировать общественные отношения, но в безнравственном

обществе не может быть нравственных законов. Поэтому вновь возвращаемся к корням: необходимо заботиться о нравственном состоянии общества, тогда мы сможем создать соответствующую законодательную базу, которая будет защищать интересы общества и государства. На этом пути необходимо решить огромное множество задач. Например, меня беспокоит детская преступность. Мы недопустимо благодушно относимся к тому, что происходит в образовательных школах. Хорошо, что в 2018 году к коммерческому понятию «образовательные услуги» добавилось воспитание. Ведь от состояния общества зависит безопасность государства. В обществе с высокой нравственностью будут успешнее развиваться науки, экономика будет расти, что позволит создавать передовую технику и воспитывать в людях патриотизм и стремление защищать свое Отечество, а значит, мы будем непобедимы.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Приглашаю выступить профессора Константина Елизаровича Сигалова.

К. Е. СИГАЛОВ: — Сегодня у нас очень сложная ситуация, мы должны реагировать на вызовы, которые бросают нашему обществу. Следует осознать эти вызовы, принять и выработать ответы. То есть мы должны понять, чего от нас хотят, насколько это приемлемо и что мы можем противопоставить тому, что неприемлемо. А что мы имеем такого, что позволит нам оказаться в выигрышном положении относительно Запада? С этим есть проблемы.

Как российское общество реагирует на специальную военную операцию? Наши соотечественники рискуют жизнью, отстаивая наши интересы, а что мы делаем здесь, в спокойствии и благополучии? В чем заключается наш долг в это непростое время? Для студентов все более или менее понятно — хорошо учиться. Я в любой студенческой или курсантской аудитории всегда говорю, что мир принадлежит отличникам. С двоечниками все понятно: их выгоняют, и они в других местах получают, может быть, неплохую рабочую квалификацию. Возможно, они заработают больше денег, чем смогли бы, имея диплом о высшем образовании. На самом деле все беды и весь вред — от троечников. А отличники — вот те, кто станет делать будущее.

Что же касается юридического сообщества, то мы тоже должны осознать и принять некоторые вещи. Во всяком случае многое из того, что касается теории, истории и философии права, необходимо переосмыслить по-новому. Еще раз изучить, как в истории были сформулированы многие понятия, пересмотреть те факты, которые раньше были отодвинуты на второй план, и взять те теоретические проблемы, которые не были должным образом отрелексированы. Хотел бы, коллеги, остановить ваше просвещенное внимание на трех направлениях, которые, на мой взгляд, незаслуженно мало проработаны. Это, во-первых, доктринальное и практическое осмысление финансово-экономического сектора — финансовое, банковское, бюджетное право. Финансисты просто не желают пускать правоведов в свою область. Как говорил Михаил Абдурахманович Эскиндаров, много лет возглавлявший Финансовый университет, «есть юрист — есть проблема, нет юриста — нет проблемы». Во-вторых, право человека, о котором мы много говорим, но никто не хочет заниматься этим вплотную. В-третьих, казалось бы, совсем узкое направление, но, как показала жизнь, очень важное. Почему никто не хочет заниматься спортивным правом? Огромная сфера деятельности, гигантская: интересы спортсменов, организаций, болельщиков и т. д. Много лет говорим,

но ничего не делаем. Предпринимаем попытки в разных университетах — нет, не находится желающих осмысливать эту область.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется кандидату юридических наук Владимиру Львовичу Энтину.

В. Л. ЭНТИН: — Проблематика, с которой мы сейчас столкнулись, — международный правовой порядок, в частности его политико-правовые аспекты. Первой отечественной публикацией на эту тему, которая вышла еще в Советском Союзе в 1985 году, была монография «Куда идет человечество (критические очерки немарксистских концепций будущего)» под редакцией Георгия Хосроевича Шахназарова. Работа отличалась комплексным подходом, который включал две составляющие. Первая — мягкая сила, то есть распространение и пропаганда своей культуры, традиций, ценностей. Вторая — информация, которая дает возможность самостоятельно транслировать свою точку зрения. Когда создавалась Конституция Российской Федерации, в ней были воспроизведены многие формулировки из ранее принятого закона о средствах массовой информации. Это позволило нам сформировать достаточно гибкую и самобытную систему СМИ, на мой взгляд, более прогрессивную, чем во многих странах Западной Европы, не говоря уже о США: в законодательных актах был предусмотрен целый ряд механизмов, препятствующих концентрации управления СМИ в руках магнатов и снижению квалификации журналистов. Журналистское сообщество в России остается достаточно высоко-профессиональным.

Сейчас мы столкнулись с ситуацией, когда международное право фактически перестало выполнять свои функции. При любом землетрясении, как известно, в первую очередь рушатся те здания, где уже были трещины. Так вот, «трещиной» международного права оказалось стремление изменить базовые ценности, на которых оно основано. Первый и главный принцип права — способствовать взаимодействию людей и культур, но сокращение численности дипломатических представительств ведет к затуханию такого взаимодействия, препятствует ему.

Второй момент. Все страны, подписавшие международные пакты, согласны в том, что высшей ценностью является жизнь человека. Были созданы специальные инструменты, которые позволяют в случае нарушения обязательств государства по отношению к человеку, его основополагающим правам и свободам обращаться в специально созданные органы, и в таких случаях государство и человек рассматриваются как два равных субъекта права.

Человек из субъекта превращается в объект, с которым можно обращаться как вздумается. В то время как граждане одних стран могут рассчитывать на защиту международного права, граждане других становятся уязвимы для произвола. Именно с этим столкнулись наши соотечественники, находящиеся за рубежом, когда их имущество было арестовано только на том основании, что они являются гражданами России. Но это означает, что все разговоры о необходимости отказа от дискриминации по принципу гражданства носили сугубо пропагандистский характер — при столкновении межгосударственных интересов от них легко отказались.

Когда же речь идет о корпоративном интересе государства, возникает принципиально иная ситуация. Возьмем мою любимую тему — охрану интеллектуальной собственности. Как известно, для того чтобы исполнять свои обязательства по контракту, надо иметь возможность их

оплачивать. Невозможность проведения платежей в валюте, заявленной в контракте, фактически делает невозможным его исполнение. Американцы сначала наложили дров, наложив валютные запреты, но потом спохватились: огромное количество патентов и товарных знаков зарегистрировано на территории Российской Федерации, но из-за введенных ограничений продлить их действие невозможно (например, право на товарный знак, как известно, необходимо заново регистрировать каждые 10 лет, иначе его охрана прекращается). Но современная экономика держится большей частью не на обмене материальными ценностями, а на праве использования патентов, промышленных образцов, ноу-хау. Скажем, такие устройства для ежедневного пользования, как компьютеры, производимые в Малайзии и Китае, в то же время являются объектами интеллектуальной собственности, и эта собственность принадлежит вовсе не изготовителям системных блоков и мониторов. Подрывая возможность защищать эти объекты, наши западные партнеры из недружественных государств «стреляют» не только по нам, но и по себе самим. В этом есть определенный плюс: разрыв отношений не срывается по той простой причине, что сопровождается причинением ущерба самим себе. И как раз право показывает, что любое «коллективное помешательство» не дает ожидаемых результатов. После того как заканчивается пропагандистский хайп, начинается осмысление того, что произошло.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Сейчас перед нами выступит кандидат юридических наук Елена Евгеньевна Амплеева.

Е. Е. АМПЛЕЕВА: — Одна из главных характеристик сегодняшней картины мира состоит в том, что, как отмечал вчера академик Глазьев, западная цивилизация по-прежнему доминирует, как и сотни лет назад. Я бы дополнила, что причина этого — международное право, которое создавалось прежде всего государствами западного типа. В свое время Федор Федорович Мартенс, профессор международного права Санкт-Петербургского университета (еще императорского), отмечал, что международное право есть продукт культурной жизни и правосознания народов европейской цивилизации. Иными словами, международное право создавалось для регулирования межгосударственных отношений того времени, то есть по сути было системой взаимодействия между так называемыми цивилизованными народами. Термин «двойные стандарты» подразумевал, что для других народов, прежде всего в колониях, действовали другие нормы. В период классического международного права (XVIII–XIX вв.) в разных его конфигурациях разворачивалась борьба за лидерство в Европе, а значит, и в мире в целом. Вклад других цивилизационных центров — России, Китая, Индии, стран арабского Востока и так далее — либо замалчивается, либо умышленно принижается, но на самом деле он представляет достаточно большой практический интерес и ждет своего исследователя.

После распада СССР и стремительного расширения Европейского союза противостояние двух центров влияния сменилось признанием западного подхода.

ООН, к сожалению, не смогла сохранить надлежającego межцивилизационного равновесия, а ее финансовые учреждения — Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, Всемирный банк — превратились в дополнительную систему инструментов, обслуживающих интересы Запада.

Россия же, безусловно, является цивилизацией смешанного типа. От того, какой вектор внешней политики подобное государство выбирает в качестве основного, зависит будущая победа западной или восточной цивилизации. Именно поэтому Восток и Запад, постоянно заигрывая с правительствами таких стран, на каком-то глубинном уровне ставят перед собой незаметную вначале, но неотменимую итоговую цель «приручить» их. Впоследствии, возможно, предполагается в результате экономической глобализации поглотить «русский мир», чтобы стал невозможен возврат к исходной точке открытого противостояния.

И все же международное право живет и функционирует. Право международной безопасности, похоже, в какой-то степени отошло в тень, но международное гуманитарное право (МГП) вышло на первый план. Особая сила МГП состоит в том, что оно не зависит от политического контекста, поскольку преследует исключительно гуманитарные цели.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется кандидату юридических наук Сергею Николаевичу Касаткину.

С. Н. КАСАТКИН: — Вчера многие коллеги говорили о том, что одним из способов разрешения кризиса ценностей представляется выработка идеологии. Но что такое идеология? Это система ценностей, мировоззрение, политическая программа.

Запрет государственной или обязательной для всех идеологии, нужный для защиты свободы личности и обеспечения других конституционных прав, по сути, тоже элемент идеологии. Такой запрет необходим для защиты политического плюрализма и свободы мысли.

Мы говорим о том, что идеология требуется как элемент политики идентичности и исторической памяти, что важно для нормального существования общества. Но в то же время идеология — это неизбежно и элемент манипуляции, и социального конструирования; например, ее можно использовать для закрепления статус-кво. Поэтому я согласен с теми коллегами, которые говорят, что в этом вопросе надо быть предельно осторожными, а для начала определить, для чего и в какой мере нам требуются изменения в подходах к идеологии. Тем более что есть проблема определения того, какая идеология нам нужна. Можно взять за основу тезис Марии Захаровой: надо сделать страну такой, чтобы человеку хотелось в ней жить и растить детей, и идеология должна этому способствовать. Но что именно, какие идеологические инструменты помогут сделать страну таким счастливым местом? И как отсутствие идеологии этому мешало?

Дальше возникает вопрос о том, кто и как будет принимать решение о «правильной» идеологии. Если пытаться учесть разные позиции, то как согласовать противоположные мнения? В общем, проблема заключается в процедурах и субъектах определенного выбора. И думаю, что нужно различать несколько вещей. Можно выбрать идеологию, которая исторически обусловлена, соответствует культуре страны и будет близка большинству населения. Или руководствоваться тем, что идеология должна представлять собой перспективную программу развития. Или нормативную систему, которая будет обязательной для всех. И так далее. Каждая концепция заслуживает отдельного обсуждения.

Опять же надо понимать, от чего мы будем отталкиваться. От культурно заданного абстрактного понимания права как формального равенства, свободы и т. д.? Или (это будет ближе юристам-практикам) от проекта консти-

туционализации юриспруденции, от конституционных свобод и ценностей, которые лежат в основе юриспруденции? Здесь опять-таки требуется очертить границы. Поэтому я не могу воспринимать как юридические те аргументы, которые высказывались в рамках сегодняшнего и вчерашнего мероприятия. Они могут быть значимы, когда мы говорим о целях развития страны, об обеспечении достойного уровня жизни, о приоритете нравственных и моральных ценностей перед правовыми ценностями и т. д. Все это важно и нужно, но в чем должна заключаться позиция юриспруденции и юристов как представителей этой корпорации? Каким образом юристы могут и должны рассуждать о праве?

Безусловно, существует кризис ценностей права и в связи с этим — кризис юриспруденции. Мы видим, что право не соблюдается и сильно разрушается, как следствие — утрачивается основание самой юриспруденции и того, чем мы занимаемся. Если у права нет собственных оснований, истории, логики и истины, то что мы тогда преподаем и что отстаиваем? То есть как возможно то, о чем говорил профессор Гаджиев, мне не вполне ясно. И это проблема, которой нужно заниматься.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Приглашаю к микрофону кандидата юридических наук Елену Александровну Брылеву.

Е. А. БРЫЛЕВА: — Я уже не первый год приезжаю в Петербург на Лихачевские чтения и могу подтвердить, что в дискуссиях всегда участвуют специалисты исключительно высокого уровня. Коллеги напоминают о том, что необходимо создавать по-настоящему социальное государство, а представитель Конституционного Суда указывает, что правовое государство и социальное государство невозможны по отдельности, они как две стороны одной медали.

Известно несколько моделей социального государства, но среди наиболее успешных обычно называют Скандинавские страны, где граждане понимают, что, отдавая значительную долю своих доходов государству в качестве налогов, они поддерживают своих сограждан, а в перспективе и себя самих. Они уверены, что ни один евро не исчезнет в коррупционных схемах и не будет потрачен на что-то ненужное.

Расскажу об интересном благотворительном проекте, которым мы занимаемся по долгу службы. Мы помогаем одной из категорий женщин, вернувшихся из мест лишения свободы, а именно тем, кто был осужден за причинение вреда здоровью или убийство своих насильников. Была развернута рекламная кампания в социальных сетях и на всех пермских телеканалах, и когда 8 Марта мы открывали наш центр, я обратила внимание на пришедшую публику. Это были люди из самых разных социальных слоев. Они с таким теплым участием отнеслись к этому благотворительному проекту, что я в очередной раз убедилась: в России очень много светлых, добрых, высоконравственных людей. Поэтому хочу сказать, что не надо изобретать новую идеологию, она у нас есть и даже прописана в Конституции: человек, его права и свободы — высшая ценность.

Р. А. РОМАШОВ: — Следующий выступающий — профессор Зураб Нодарович Каландаришвили.

З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ: — Выскажу свою позицию по вопросу о том, как правовая культура рассматривается учеными разных школ правопонимания. Если вы приверженец социально-антропологической школы, то включаете в это понятие всю существующую правовую реальность — знания, ценности, статусы и их реализацию в правовом порядке. Сторонник культурологического подхода скажет, что правовая культура — это все созданное в результате человеческой жизнедеятельности в правовой сфере в виде материальных и нематериальных артефактов. Получается, что вопрос, в общем, философский. Цивилизация — более широкое понятие, чем культура. Цивилизация включает в себя не только культуру, но и общественно-производственные технологии.

Что мы можем сказать о западной цивилизации? Если рассматривать ее начиная с Античности, то западная цивилизация имеет мощные хронологические рамки. Совершенно прав был академик Александр Сергеевич Запесоцкий, когда сказал, что бывшие позитивные положения, зафиксированные как в западноевропейских конституциях, так и в Конституции США, сегодня в значительной степени нарушаются.

Следующий тезис. Я согласен с профессором Ромашовым, что Петр I, прорубивший окно в Европу, был настоящим западником. Но добавлю, что все-таки среди русских самодержцев первыми западниками были Алексей Михайлович — отец Петра I, а еще больше — его старший брат Федор, к сожалению, скончавшийся совсем молодым. Петр I просто с удвоенной энергией продолжил их начинания. Сейчас наметилась тенденция к сближению России со странами Востока, прежде всего Китаем и Индией. Надеюсь, что наши взаимоотношения будут успешно развиваться в дальнейшем.

В этом контексте важно, что Россия имеет свои особенности — правовые, политические, культурные. Кто-то причисляет нашу страну к Западу, кто-то — к Востоку; я же считаю, что Россия — это уникальная модель государства со своей индивидуальной спецификой.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Уважаемые коллеги, я коротко подведу некоторые итоги нашей дискуссии. Прежде всего должен отметить, что дискуссия состоялась. Более того, мы смогли не только обсудить проблемы права и ценностей в современных условиях, но и несколько шире взглянуть на картину мира и на Россию как ее часть и субъект международной политики. Это во многом поможет нам более объективно подходить к выработке идей для неизбежного предстоящего обновления.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Спасибо, дорогие друзья. Мне очень приятно сказать это как коллегам по факультету, так и участникам секции, прибывшим из других организаций и учреждений. Сегодня здесь было высказано много интересных идей, мы еще не раз будем к ним возвращаться.

А студентам я желаю на ближайшую перспективу — успешной сессии, а на среднесрочную — серьезно поразмыслить над теми тезисами, которые вы сегодня услышали. Тем самым вы сделаете очень большой вклад в свое развитие как будущих профессионалов.